

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Л. Григорьев

Два дискурса в российской экономической науке

Мировая экономическая наука характеризуется огромным разнообразием теоретических и прикладных проблем. Российская социально-экономическая трансформация выступает ее естественным теоретическим разделом. Мы полагаем, что это объективная ситуация «двух дискурсов». Ряд российских ученых работают в сфере «мирового дискурса» и достигли определенных индивидуальных успехов. Усилия большинства отечественных экономистов концентрируются на решении национальных проблем, так что объем исследований и публикаций в «российском дискурсе» намного больше, чем в «мировом», как и вклад наших ученых в экономическую науку. Интерес к «российскому дискурсу» в мировой науке ограничен, поэтому отечественные работы не могут претендовать на частые публикации в высокорейтинговых журналах. Различия в дискурсах не жестко, но заметно коррелируют с группами авторов научных работ. Работы по «российскому дискурсу» определяют картину публикаций в национальном журнальном поле.

Ключевые слова: роль ученых-экономистов, социология экономической науки, экономические журналы, российская экономическая наука.

JEL: A11, A14.

*Посвящается памяти профессора
Андрея Владимировича Полетаева*

Эта работа была задумана давно, но, по счастливому стечению обстоятельств, выходит сразу после публикации глав из книги Ж. Тироля (Тироль, 2017а; 2017б; Авдашева, Шаститко, 2015). Мы, разумеется, в основном согласны с маститым автором. Но есть российская специфика, связанная с положением экономической науки и ученых в нашей стране, — мы не во Франции, а в России в 2017 г. после четверти века трансформации. Тироль представляет в своей работе мейнстрим, как он сложился в послевоенный период, но его, видимо, стоило бы расширить за счет идей и работ институционалистов (Шаститко, 2016). Проблематика российской трансформации после 1990 г. в мейнстриме,

Григорьев Леонид Маркович (lgrigor1@yandex.ru), к. э. н., ординарный профессор, научный руководитель Департамента мировой экономики НИУ ВШЭ, главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации (Москва).

по всей видимости, представлена ограниченно, но это основная интеллектуальная задача, ответственность и обязанность российских экономистов. Мировые проблемы, решаемые как теоретической, так и прикладной наукой, мы будем называть Дискурс 1, а российские, преимущественно трансформационные, проблемы науки и экономической политики — Дискурс 2.

Проблемы мира и страны — Дискурс 1 и Дискурс 2

Мировая экономическая наука — это не только макроэкономика, конкуренция, финансы (и «пять журналов», упомянутых Тиролом). Мировая наука решает множество проблем, имеет свои разделы, отражающие специфику современного роста в развитых странах, проблемы устойчивого развития мира в целом (ООН, 2015). У науки и регуляторов на Западе (за редким исключением) были проблемы с осмыслением ситуации перед финансовым крахом осенью 2008 г., имела место преждевременная попытка стабилизации в ЕС в 2010 г. Наличие прочного институционального базиса экономики и демократии не делает их проблемы менее важными для общества, элит, правительства, бизнеса, партий и граждан. Устойчивое развитие, неравенство, сохранение климата, бедность, обеднение среднего класса, демография, пенсии и миграция — все требует внимания и политиков, и научного сообщества на фоне меняющихся стилизованных фактов или осознания новых проблем, как случилось сравнительно недавно с климатом и социальным неравенством.

Мировая экономическая наука как социальное явление — это огромный сложный организм, включающий университеты, исследовательские фирмы, аналитические отделы компаний, международные организации. На верхушке этой пирамиды существует острейшая конкуренция различных научных направлений и школ, идет борьба за гранты, разрабатываются теории и присуждаются Нобелевские премии. Огромная масса студентов перерабатывает полученные знания, выходит на рынок труда в фирмах, университетах, пытается сделать академическую карьеру. Общество в целом готово предоставить академическому/университетскому сообществу достойное содержание и признание за решение практических задач. Разумеется, практики в инвестиционных банках, консалтинге зарабатывают намного больше коллег в академии. Но преимущество свободного времени, интересная жизнь, причастность к респектабельному и в целом влиятельному сообществу делают академическую деятельность достаточно привлекательной.

В развитых странах большие средства выделяют на исследования, в том числе социально-экономические, хотя жалобы на недостаточное финансирование продолжают. Огромный мир университетов, профессоров, независимых (коммерческих и некоммерческих) аналитических центров, правительственных исследовательских организаций вырабатывает «удостоверенные знания» в ответ на запрос общества, бизнеса и государства, международных институтов. Конференции, слушания в государственных и общественных центрах, журналы обес-

печивают обмен идеями и достижениями, конкуренцию предлагаемых решений. Для многих важных потребителей идей обсуждение именно на конференциях (или книги известных ученых) может играть роль «удостоверения знаний», поскольку журнальная дискуссия объективно бесконечна, и неизвестно, кто прав.

Для целей данной статьи мы будем называть это Дискурсом 1. Подчеркнем, что не все в нем решается на страницах самых известных журналов. Огромную роль играют доклады Всемирного банка, Международного энергетического агентства, МВФ, Всемирного экономического форума в Давосе, стратегии и программы правительств и крупных банков и компаний. Среди прикладных проблем Дискурса 1 некоторые пересекаются с Дискурсом 2: макростабильность, финансовые и торговые потоки, деятельность крупных компаний из России в мире, роль иностранного капитала в России.

В данной работе мы предлагаем рассматривать Дискурс 2 о проблемах российской трансформации (включая макропроблемы, финансы, собственность, конкуренцию и пр.) как самостоятельный и главный для российской экономической науки. В мире стран с переходной экономикой все намного сложнее. Все ученые в той или иной мере (дома или переехав в страны ОЭСР) занимаются проблемами Дискурса 1, но также и своими национальными задачами. Ломка систем и институтов сделала проблемы стран, трансформирующихся после социалистического эксперимента, еще более сложными: необходимо «вернуться на магистраль», воссоздать социально-экономические институты и гражданское общество, повысить благосостояние граждан, развивать искусство и науку.

Масштабы проблем для такой огромной и сложной страны, как Россия, оказались большими, чем думали в начале реформ. Теперь — четверть века спустя — наша страна и ее наука снова обсуждают необходимость важных реформ (Dutkiewicz et al., 2016). Россия каждые несколько лет рассматривает масштабные стратегии и испытывает существенные экономические потрясения, что свидетельствует о незавершенности выхода на траекторию устойчивого развития. Соответственно возникает вопрос, кто и как решает содержательные проблемы трансформации в нашей стране. Разумеется, общая ответственность лежит на политической элите, что, конечно, серьезно затрудняет проведение радикальных социально-экономических преобразований, которые обычно сопровождаются подвижками в правящих группах. Но это не отменяет важности интеллектуальной стороны проблем и роли интеллектуальной элиты в их решении, особенно экономистов (и, надо думать, социологов).

Еще раз напомним: проблема российской трансформации для мировой науки носит периферийный характер. В начале реформ, в 1990-е годы, зарубежный опыт и иностранные специалисты сыграли большую роль в формировании повестки дня первых правительств РФ. Но не все советы, мягко говоря, оказались разумными: в отсутствие своего опыта перенести не слишком удачные эксперименты 1980-х годов из Латинской Америки в Россию было делом нереальным, но готовыми рецептами для нашей страны никто не располагал.

Иностранные специалисты-«страноведы», изучающие российскую социально-экономическую действительность и комментирующие текущие события, люди обычно просвещенные и интересные. Но они не несут ответственности за происходящее в России, кроме как в рамках профессиональной этики. В практическом плане это справедливо для любой страны, независимо от ее размеров и сложности проблем. Но Россия — страна с богатейшей историей, влияющая на ход мирового развития, и решение ее стратегических проблем — наша ответственность. Как поется в известной песне М. Матусовского и И. Дунаевского («Поручение», 1955 г.): «И это серьезное дело нельзя доверять никому!».

Для целей данной статьи попробуем хотя бы частично очертить проблемы, которые входят в Дискурс 2 — социально-экономическую трансформацию России, через минимальный набор работ и статей. Сюда по логике и хронологии нужно включить книгу Е. Т. Гайдара (1990) и «Программу 500 дней» С. С. Шаталина, Г. А. Явлинского, Е. Г. Ясина и др. (Шаталин и др., 1990). В таком списке легко ошибиться и кого-то не упомянуть, но это «не рейтинг», а лишь «контуры области исследований». Ряд книг находится в кругу обсуждаемых: Полтерович, 2007; Тамбовцев, 2009. Далее отметим несколько статей известных ученых: Кузьминов и др., 2005; Мау, 2012 и др. Естественно, нужно включить в обзор программы проправительственного толка: Юргенс и др., 2009; Мау, Кузьминов, 2013. Могу предложить свою книгу (Григорьев, 2010), лекцию при вручении Леонтьевской медали (Григорьев, 2017), а также оценку реформ (Григорьев, 2013). Наконец, необходимо упомянуть новую работу «Цели устойчивого развития ООН и Россия» (Бобылев, Григорьев, 2016), которая соединяет постановку вопроса в мировом сообществе и российские проблемы. Экономическая наука в России, как и в любой стране, прежде всего решает задачи национального развития. В нашем случае это не только текущие проблемы, но и масштабные институциональные преобразования.

Как мировая экономическая наука соотносится с тематикой трансформационных процессов, в том числе в нашей стране? Нобелевские премии выдающимся институционалистам присуждались в 1990-е и 2000-е годы — слишком поздно, чтобы мы могли опираться на них при решении трансформационных проблем в случае России. Это не стало признанием просчетов в 1990-е годы, в частности предположения, что шоковая либерализация, макростабилизация и приватизация (быстрая и любым методом) сами создадут здоровую институциональную базу рынка¹. Интересно, что в ранних работах мейнстрима по трансформации России почти не упоминаются «институты». С начала 2000-х годов было три серьезные попытки реформировать российскую экономику, причем в основном силами отечественных ученых, хотя

¹ Можно привести пример выступления в Москве крупного специалиста МФО (имя не существенно) в 2007–2008 гг. (перед глобальным кризисом), который на представительном семинаре доклад о реформах начал с заявления, что «теперь в МФО не считают, что единая формула трансформации и реформ подходит для всех стран». Поразительная наивность и откровенность очень напоминали явление прокурора на кладбище для повешенных с сообщением, что по зрелом размышлении тип преступлений захороненных больше не рассматривается правосудием как основание для казни.

и с консультациями представителей международных финансовых организаций (МФО). Таким образом, применительно к Дискурсу 2 стало наблюдаться «импортозамещение».

При постоянных институциональных изменениях в первые 20 лет трансформации объект анализа — страны с переходной экономикой — давал ограниченный материал для прямых сравнений и исследований на статистическом материале: все было слишком текуче для нормальной науки. В мировой науке некоторое внимание уделялось России и странам Центральной и Восточной Европы (первая половина 1990-х годов), но больше в контексте реформ, чем академических исследований.

Фактически Дискурс 2 сформировался, обрел свои кафедры (развития, компаративистики и пр.), профессию и журналы. Но эта тема относительно молодая, и она еще находится в процессе интеграции с «большой наукой». Больше связи между двумя дискурсами в областях, где анализируются макроэкономические проблемы, демография, инвестиционные проблемы крупных компаний, банковский бизнес, рынки труда и миграция и, конечно, энергетика. Но чем больше различий институционального (неформального) характера, культуры и практик, тем сложнее интеграция.

Были бы полезны дискуссии о дискурсах, связи трансформационной теории с теорией развитых рынков, роли институтов, взаимодействия школ, качестве методологии. Акцент на числе публикаций, цитат и рейтингах представляется искусственным и оторванным от реальных проблем российской экономической науки, а главное — от поиска оснований для продолжения трансформации страны в направлении «нормальной рыночной экономики». Перед российской наукой, как нам представляется, не стоит задача немедленно внести вклад в развитие мировой экономической теории. Это дело конкретных школ, кафедр и профессоров, имеющих для этого желание, интеллектуальные возможности и ресурсную базу. В России много проблем собственного развития, плюс необходимо изучать мир и его релевантный опыт, причем в значительной мере институционального плана.

Россия интересна по-прежнему извне (если абстрагироваться от геополитических проблем) как объект вложений портфельного капитала и инвестиций в энергетику — отсюда некоторый внешний интерес к макроэкономике страны и политике российских денежных властей, условиям инвестирования. Но суть наших проблем лежит в сферах собственности и конкуренции, государственного и корпоративного контроля и управления. Соответственно заметно смещение интересов статей «извне» по России к общим и макроэкономическим проблемам.

В странах с переходной экономикой изменения идут быстрее и глубже, институты относительно слабы, полностью не сформировались и не укоренились. В нашем случае речь идет о том, что государство еще в значительной мере не выполнило функции Реформатора. Здесь необходимость реформ фундаментального характера, как отмечалось выше, возникает каждые 4–8 лет, отражая внешние шоки и электоральный цикл.

Дискурс 2 — это теория трансформации и вся система последовательных реформ, которые реализуются постоянно (хотя и с переменным

успехом) через инструменты экономической политики. В этом отношении Дискурс 1 — мировая наука — остается для российского исследователя интересным объектом для «ориентации в пространстве». Дискурс 2 тесно связан с экономической политикой по естественной причине — ограниченности времени, отпущенного для принятия решений.

Сравнение специфики экономической науки (ЭН) и экономической политики (ЭП) указывает на сложность выбора решений даже при развитой ЭН (табл. 1). В условиях трансформации ответственность в ЭП еще выше, и границы между ЭН и ЭП не жесткие. Скорость принятия решений столь велика, что нет уверенности в наличии мембраны «организованного скептицизма». В процессе решения проблем внутри ЭН ищут основания для выбора подходов в ЭП, но при смене стилизованных фактов ЭН надо пересматривать и обновлять. Специфика нашего Дискурса 2, как и, надо полагать, дискурса трансформации Китая и ряда других больших трансформирующихся регионов, в том, что многие шаги экономической политики постоянно меняют институты общества, а не корректируют их функции, как в Дискурсе 1. Задачи экономической политики в Дискурсе 2 связаны с незавершенностью

Т а б л и ц а 1

Сравнение специфики экономической науки и политики

Экономическая наука (ЭН)	Экономическая политика (ЭП)
<ul style="list-style-type: none"> — ЭН в рамках каждой теории основана на более строгих принципах, чем ЭП, по крайней мере пытается опираться на логические инструменты и объективные доказательства, поскольку этого требуют этика и историческая практика исследовательского процесса. — ЭН развивается поступательно в направлении более глубокого понимания проблем, что не исключает искренних заблуждений и ошибок. — ЭН зависит от постановки задач текущей политики, хотя не зависит от нее по результатам (предположение об объективности ученого — иначе нарушаются предыдущие принципы). — ЭН не ограничена фактором времени для решения поставленных проблем, тогда как ЭП часто предполагает необходимость принятия решений немедленно в силу политического процесса, выполнения законов (типа бюджетного кодекса) или осознания практической потребности (кризис или протест). — В ЭН этический фактор играет значимую роль — особенно в устоявшихся научных сообществах, которые гарантируют четкость процедур, отсутствие подтасовок и артефактов. При добросовестных заблуждениях (ошибках) страдает престиж ученых, но совершенно иное значение (сродни военным или биологическим наукам) приобретает данная проблема в экономике, когда рассматривается ответственность ученого, то есть влияние ЭН на реальную ЭП. 	<ul style="list-style-type: none"> — ЭП не содержит полного набора общепринятых принципов отбора правильных решений, а зависит как от объективного знания, так и от субъективных решений политиков. — Практические решения могут сознательно или неосознанно отходить от наилучшей политики в силу необходимости компромисса для принятия какого бы то ни было решения. — ЭП отражает политические процессы (включая лоббистские интересы) и изначально не может претендовать на полную объективность. — ЭП осуществляется постоянно, независимо от степени проработанности проблем в ЭН (не может быть перерыва в ЭП). — Не существует априорной академической ясности по вопросам ЭП в силу постоянных изменений в реальной экономической обстановке в мире (стране), в правовой среде, социальных и политических условиях, в которых протекает процесс формулирования и реализации ЭП. — Политики, принимающие решения, несут моральные (политические) обязательства только перед представительными органами власти или другими представителями страны (избирателями и элитами), но не перед представителями ЭН (хотя любят на них ссылаться). Не существует практически применимого морального кодекса принятия ответственных экономических решений.

Источник: Григорьев, 2003.

реформ. Задачи развития российской экономической науки и проведения реформ переплетаются с текущим анализом и консалтингом. Эти реалии, естественно, затрудняют публикации в международных журналах — там для анализа этих проблем нужна бóльшая устойчивость стилизованных фактов. Два дискурса не только интуитивно различаются, но и их объекты требуют разного времени, терпения, инструментария и вовлеченности ученых в текущие проблемы. Это два сложных и трудносовместимых вида деятельности в наших реалиях.

Кто пишет и ради чего

Обсуждение проблем российской науки визави мирового процесса и публикационной активности российских ученых идет давно, но особенно интенсивно после доклада А. Муравьева (2011) о месте российских ученых в мировой науке. На наш взгляд, пора признать, что двум дискурсам российских ученых соответствуют и две группы (отчасти пересекающиеся) авторов с различным положением в науке, научными интересами и образом жизни.

То, что российское присутствие в мировом журнальном пространстве в экономических науках носит ограниченный характер, неудивительно. Бóльшая часть таких публикаций в зарубежных журналах — результат работы «научной диаспоры» — талантливых россиян, которые получили в 1990–2000-е годы образование за рубежом и смогли сделать академическую карьеру. Этим вполне можно гордиться, как мы гордимся выходцами из России XX в., среди которых Василий Леонтьев, Саймон Кузнец и др.² Но остается несколько вопросов, на которые надо ответить для прояснения обсуждаемой темы:

— ожидаем ли мы сильного влияния российских ученых на мировую экономическую теорию (мейнстрим) или это останется точечным воздействием талантливых профессоров в западных университетах;

— могут ли российские профессора жить в России и зарабатывать интенсивным преподаванием и консалтингом, но заметно (как школа) влиять на мировую науку;

— отвечают ли профессора за развитие науки о национальном хозяйстве нашей страны, его росте и благосостоянии граждан России;

— как сосуществуют два процесса исследований — мейнстримовской теории в мире и теории трансформации российской экономики?

Можно ожидать увеличения веса российских представителей в зарубежной науке, но вряд ли это изменит общую ситуацию — будем радоваться каждому успеху наших коллег. Общий ответ на первые два вопроса — «умеренно». Ответ на третий — да. Ответ на четвертый требует обсуждения, в котором мы изложим свое видение ситуации.

Главное — успехи наших студентов за рубежом дают определенный стимул для учебы студентов в России. Возврат части студентов

² Впервые в СССР список лауреатов Нобелевской премии по экономике был опубликован в марте 1989 г. в журнале «МЭиМО» в разделе «Экономический монитор» (эту страницу автор вел до марта 1991 г.).

(после завершения образования) повышает уровень преподавания, хотя времена, когда значительные надбавки платили просто за PhD, проходят по мере сокращения нефтяной ренты.

Как мы отмечали выше, различия двух дискурсов базируются на отличии объектов и срочности решения задач. Теория и практика трансформации России — достойная задача, имеющая свою внутреннюю логику. Она не сводится к частным приложениям отдельных положений мировой науки к соответствующим сферам и областям социально-экономических институтов в России. Состояние умов, взглядов и научные позиции ученых в российской экономической науке еще далеко не изучены, но интересная картина представлена в работе А. Мальцева (2016). В ней упоминаются и трудности положения российских экономистов, и значительные расхождения во взглядах. Пожалуй, самый обнадеживающий пункт — подтверждение гипотезы Н. Макашевой о том, что институционализм (НИЭТ) вышел на первое место, заполняя вакуум, оставшийся после марксизма (Мальцев, 2016. С. 145).

Сама постановка вопроса о двух экспертных группах — зарубежной и внутренней, частично корреспондирующая с различиями в дискурсах, совпала, естественно, с периодом, когда появилась заметная когорта россиян в зарубежных университетах и с зарубежными степенями в России. Отметим различия в характере социально-экономического положения ученых в зарубежных университетах и в России, в организации и размерах материального стимулирования, практических интересах двух сообществ.

За рубежом тема российской экономики не единственная и часто не основная в жизни российских профессоров. Но это хорошая тема для них, учитывая преимущество носителя языка и лучшее знание статистики. Академическая нагрузка в мировых университетах намного ниже, чем в России. У наших ученых в диаспоре есть время спокойно работать и писать в рамках сложившихся парадигм, ожидая год-два, когда завершится процесс рецензирования и выйдут публикации, необходимые для подтверждения их статуса. В этих условиях можно работать и в соавторстве с зарубежными коллегами (что помогает публикациям) в рамках нормального научного процесса. Финансирование наших ученых (и большого числа аспирантов) на Западе не слишком роскошное, но позволяет заниматься наукой.

В упомянутой работе Тироль отмечает различие академических ученых с относительно низкими доходами и ученых с более высокими доходами от консалтинга. Мы полагаем, что первые — это исследователи и педагоги, а вторые — эксперты и администраторы (включая проектных менеджеров и т. п.). В России это деление выглядит иначе: ученая диаспора имеет некоторую финансовую стабильность, а часть вернувшихся ученых — поддержку со стороны ряда университетов страны, часто работают «на два дома». Нагрузка на ведущих исследователей в России очень велика именно со стороны администрирования, а серьезное финансирование связано, естественно, только с экспертизой. Эти различия важны, так как проекты в формате НИР составляют бóльшую часть нагрузки. Практически времени на занятия академической наукой у большинства ведущих «игроков», как и млад-

шего поколения, обученного уже в XXI в. (многие — за рубежом), остается очень мало. Единицы ухитряются совмещать заработок на жизнь и для себя, и для своих центров (в среднеразвитой стране с большим неравенством и высокой коррупцией) с участием в мировом академическом процессе. Большинство российских ученых (за пределами компаний) вынуждены много работать, чтобы обеспечить свои семьи. Экономическое положение толкает их к поиску заработков и экспертизе, отнимая время (и часто — шансы) для выхода на уровень ведущих журналов. Совместить два столь разных типа научной деятельности в наших условиях очень сложно, особенно для тех, кто работает в Дискурсе 2.

В работе А. Шумилова и Е. Балацкого (2016) показана важная роль RePEc в определении места российских экономистов в рейтингах. Соглашаясь с основными выводами этой работы, мы предлагаем интерпретировать результаты авторов в рамках проблемы двух дискурсов. С нашей точки зрения, любые улучшения рейтингов, повышение статуса российских ученых, особенно университетов, можно приветствовать, но не надо придавать этому слишком большое значение. RePEc пока покрывает несколько процентов экономистов и журналов. Как отметили авторы, преимущество при вхождении в мир высоких рейтингов имеют те, у кого, помимо современного математического аппарата, есть еще два важных фактора или обстоятельства: работа в зарубежных университетах, дающая некоторую финансовую независимость, и проблематика мирового дискурса. Разумеется, картина сложная, и среди упомянутых авторами лидеров рейтингов есть ряд ученых, известных работами по российскому дискурсу.

Два дискурса до определенной степени оцениваются двумя измерителями (РИНЦ и RePEc), которым суждено сосуществовать в обозримом будущем. Ряд экономистов с публикациями за рубежом даже не регистрируются в РИНЦ, подчеркивая, видимо, свой «непровинциальный» статус, хотя это облегчило бы российским читателям доступ к их работам. Немало российских экономистов, ориентируясь на решение внутренних проблем в сложных условиях и стремясь обеспечить работу своих центров, не пытаются максимизировать свое положение в мировом научном сообществе — у них на это нет ни времени, ни ресурсов.

Российская наука только вступила в процесс интеграции различных групп и школ на новом уровне. Нормальная наука — с книгами, конференциями и системой журналов, цитированием и постепенным приростом знания — еще формируется. Научное сообщество в сфере экономики в прошедшие десятилетия складывалось из людей разных поколений, взглядов на мир, характера образования, в условиях неодинакового влияния зарубежного опыта (рекомендаций), неоднозначных действий практиков, сложных проблем выживания Академии наук и университетов, развития новых исследовательских центров (Григорьев, 2005). Задача будущего — достичь большего единства взглядов ученых, профессуры и практикующих экономистов.

Авторитетные журналы могут вместить лишь ограниченное количество хороших работ, адекватных дискурсу сообщества. Два сообщества российской профессуры, особенно молодой, отличаются не столько

образованием и методами, сколько предметом анализа, аудиторией, характером сообщества. Они не находятся по большинству вопросов в идеологическом или творческом конфликте, но ведут различный образ жизни.

В России изучение мировой экономики — насущная необходимость для российских студентов, граждан (среднего класса), компаний (экспортеров и инвесторов) и властей (элит). В советское время этим традиционно занимались ИМЭМО и другие институты АН СССР, поскольку доступ к информации о мире был ограничен. Сейчас поток информации огромный, но понимание в сообществе экономистов устройства окружающего мира сильно отстает от сложности и динамики наблюдаемых процессов. Отсюда распространение упрощенных взглядов на мир, конспирологии и проч. Российские ученые активно участвуют в мировом дискурсе в нескольких сферах (абстрагируясь от мировой политики), поскольку в них Россия объективно важна: это потоки капиталов, мировая торговля (несколькими группами товаров) и энергетика.

Дискуссии, доклады, программы правительств, WWF и других НПО, компаний и банков образуют огромный поток материалов, с которыми смыкаются материалы по защите климата, продовольствию и воде. Здесь свой мир, свои авторитеты — от России среди них как минимум академик РАН А. А. Макаров, член-корр. РАН В. А. Крюков, Т. А. Митрова и др. Невозможно создать прогноз мировой энергетики без учета российского фактора, поскольку Россия производит 10% мировой первичной энергии, половину экспортирует и оказывает огромное воздействие на геоэнергетические процессы. В мире, кроме ряда компаний, готовящих свои прогнозы (в частности, BP), есть три агентства, выпускающих полномасштабные прогнозы: Международное энергетическое агентство, Агентство энергетической информации (при Министерстве энергетики США), ИНЭИ РАН — Аналитический центр при Правительстве РФ (см.: Макаров и др., 2016). Есть также две важнейшие организации, принимающие решения в области энергетики: ОПЕК (нефть и газ) и ЕС (электроэнергетика, энергосбережение, конкурентные рынки и проч.). Это хороший пример переплетения двух дискурсов: здесь интенсивный поток исследований, сложившееся мировое исследовательское сообщество, где россияне представлены адекватно, но в журнальных рейтингах — ограниченно.

Спрос в мире на знания о России (внешний вклад в Дискурс 2) ограничен и сфокусирован на нескольких областях — без детализации, которая необходима в исследовании собственной экономики как в научных, так и в прикладных целях. Информация и анализ, содержащиеся в работах зарубежных научных и аналитических центров по России, характеризуются разной степенью глубины. Но это все равно ограничивает «представительство» российских экономических институтов, проблем и специфики экономики России в журналах «большой науки».

Профессор хорошего зарубежного университета с возрастом достигает уровня доходов занятых в практических областях (хотя проигрывает в сумме доходов за всю жизнь) и, по-видимому, пребывает в лучшем состоянии здоровья. Ему присуща комбинация талантов: ученый может

выступать в роли исследователя, эксперта, преподавателя и администратора; эти роли неравноценны, поскольку важнейшей среди них является роль исследователя (Р. Мертон; см.: Соловьева, 2013). Ученые на государственной службе (принятие решений в министерствах), в компаниях (принятие решений в бизнесе) оказывают огромное влияние на практический ход дел в мировой экономике. Состояние науки, ее адекватность критически важны для экономического роста и устойчивости, что особенно наглядно (хотя не исключительно) проявляется в центральных банках, при проведении денежной и фискальной политики. Но не менее важны теории и практические приложения в сфере корпоративного контроля и в инвестиционном процессе, регулировании банковской деятельности. Проблемы социальной устойчивости актуальны как для экономики — социальное неравенство отражается на характере потребительского спроса и развитии бизнеса, так и для политологии (политики и демократии) — гражданское общество зависит от состояния среднего класса и его финансовых возможностей ввиду бедных и богатых.

Важнейшая функция ведущих ученых, особенно в Дискурсе 2, — оценка перспектив развития науки и способностей молодых ученых. Вот тут способности могут расходиться с фактическими позициями и ролями ученых. В частности, государственные чиновники всегда хотят надежного «окончательного» знания для решения своих проблем. Тем самым они могут стать жертвами активных энтузиастов тех или иных новаций, в том числе не слишком надежных и проверенных. Учителя всем хороши, но могут любить своих учеников слишком сильно и интуитивно преувеличивать их способности. Исследователи-педагоги ищут средства для развития науки и своих студентов, времени на работу, которого им администраторы дать не могут, пытаясь в повседневной деятельности (ради быстрого результата) опереться на экспертов. Надо полагать, что оценка будущего прогресса науки и уровня молодых дарований относится к сфере преимуществ исследователей.

Проблема администраторов в том, что, имея доступ к распределению ресурсов, они фактически стимулируют быструю экспертизу, а не фундаментальные исследования, хотя обычно это искренне отрицают. Исследователи, конечно, активно участвуют во взаимной конкуренции, но не по числу статей или цитат. Они обсуждают интересные результаты, идеи, но не индекс Хирша. Рейтинги персонала нужны администраторам для престижа организаций, для отчетов бюрократам (спонсорам) по грантам, для международных сравнений и отчетов по внутренним надбавкам в университетах. Равновесие между учеными-исследователями и администраторами основывается на взаимном уважении и признании роли партнера. Исследователи вынуждены согласиться с наличием бюджетных ограничений в стране и важностью роли политической элиты в выборе приоритетов исследований. Администраторы не должны забывать, что они не исследователи, а методы эффективного менеджмента в бизнесе не могут обеспечить развитие науки. Ведущие исследователи и педагоги делают эту тонкую индивидуальную работу «по-своему» — не по учебникам менеджмента.

Подводя некоторые итоги, отметим, что наша научная «диаспора» — российская молодая профессура — живет в академическом мире раз-

витых демократий (ВВП на душу более 40 тыс. долл.), иногда пишет статьи о России в хорошие западные журналы. В это время российская профессура и молодежь живут в среднеразвитой стране с переходной экономикой и высоким неравенством. Трудовая нагрузка для «выживания» в науке намного выше дома, чем в странах ОЭСР, приработки необходимы практически всем. У них очень мало времени для академических работ в Дискурсе 1 и для соблюдения жестких требований высокорейтинговых журналов. У нас постоянно будет наблюдаться несоответствие между масштабами, структурой, характером домашних исследований (по требованиям заказчиков) и возможностями презентации их в ведущих зарубежных журналах. Этого не следует стесняться — надо спокойно работать над проблемами страны, где мы живем и которую надеемся когда-нибудь перевести в состояние эффективной рыночной экономики и демократии в рамках европейской традиции.

Что будет дальше с нашим научным сообществом? Предпочтителен постепенный симбиоз школ при взаимном уважении, обучении и дискуссии. «Домашние» специалисты со временем приобретут должный вес для публикаций в хороших журналах, рейтинги и проч. Многие еще предстоит сделать зарубежным профессорам с российскими корнями, если они хотят устойчивого признания на родине. Ученый, пишущий для удовольствия и теньюры в своем университете на Западе, наверное, хотел бы, чтобы его работы были признаны и дома (содержательно, а не только по рейтингу), но для этого их надо хотя бы перевести на русский язык (для более широкого читателя) и участвовать во внутренней дискуссии. Эта проблема решается в рамках совместных обсуждений, конференций по одной проблеме с разными подходами и взаимным уважением. Дискурс 2 будет несколько ближе к мировому через поколение, и тогда, возможно, сформируется единое научное сообщество.

Аудитория в стране огромная — в России только в РИНЦ зарегистрировано более 42 тыс. экономистов, а в национальном хозяйстве, в бизнесе и университетах трудится намного больше людей с экономическим образованием, решающих экономические задачи. При широком распространении «достоверных знаний» они могут действовать эффективно в интересах как страны, так и своих компаний и своих личных.

Знание тенденций мирового развития в нашей стране традиционно ограничено и часто смещено. Лозунг Департамента мировой экономики НИУ ВШЭ: «Нет экономики, кроме мировой экономики» — безусловно, верен, но и специфика России в плане отклонения от мейнстрима больше, чем во многих странах среднего уровня развития. Например, практика принятия решений экономическими агентами у нас (включая коррупцию, готовность мириться с несправедливостью, разрыв между правовой нормой и ее применением) не соответствует практике в странах с развитой рыночной экономикой и демократическими институтами.

В последние годы картина публикаций в российских и зарубежных (высокорейтинговых) журналах заметно менялась. В 2012–2014 гг. группа ученых с публикациями в обоих пространствах была незначительной, что позволяло легко выделить группу российских ученых, работающих над проблемами страны (имея в виду, что между обеими группами нет концептуальных различий) с их книгами, докладами правительству,

статьями. Было просто очертить условную «диаспору» с их интересными работами по разнообразной проблематике, но в Дискурсе 1. К 2017 г. встречное движение стало более заметным, пересечение между двумя группами увеличилось. Научные результаты статей, опубликованных за рубежом, доступны научному сообществу исследователей и преподавателей. Но они далеко не всегда известны коллегам по Дискурсу 2, экспертам и практикующим экономистам.

«Экспортная статейная продукция» участвует во внутренней борьбе идей, часто дает автору надбавки и титулы, но ее влияние на процессы образования, трактовку подходов к серьезным внутренним проблемам относительно невелико. Если такие статьи не переводятся на русский язык в общедоступных журналах, то становятся частью базы источников скорее для магистров ведущих вузов, чем для массы бакалавров-экономистов. Авторы статей по российской и трансформационной проблематике в зарубежных журналах получают заслуженное признание в научной среде, но не влияют ощутимо на решение домашних проблем. Другими словами, они достигают индивидуальных интеллектуальных целей, но аудитория таких публикаций небольшая, а эффект воздействия на национальном рынке идей, дебатов и решений, конечно, ограниченный.

Для полноты картины отметим, что российские ученые не так давно пришли в мировую науку в значительном числе, причем позже аргентинцев, бразильцев, поляков и венгров (берем трансформирующиеся страны) и в меньшем количестве, чем китайцы. Наш вес в мировом потоке исследований и статей относительно невелик. Один из ярких примеров успешной работы российских ученых и публикаций в рейтинговых журналах показан в списках на надбавки НИУ ВШЭ за высокий рейтинг публикаций — это статьи нескольких десятков экономистов³. Разнообразие их тематики подтверждает картину мира, которую мы пытаемся выявить. Прибавим статьи российских авторов в хороших журналах, которые не работают в НИУ ВШЭ, за тот же период — удвоим число работ. Придется признать, что рост рейтингов наших авторов радует, но не свидетельствует о серьезном влиянии российской экономической науки на мировой процесс.

В дискуссиях об уровнях статей, о ссылках на авторов потерялись научные книги. Книги — одно из центральных достижений в интеллектуальной истории человечества. Но бюрократические правила делают работу над книгами «не приоритетной»: их редко цитируют. Конечно, роль книг стала иной — времени у профессоров мало, индивидуальные книги все больше становятся редкостью. Основные типы научных книг — это учебники, ридеры и книги по итогам конференций. Но это не причина относить книги к числу изгоев рейтингов — книга остается способом формирования единого взгляда на те или иные сложные проблемы, позволяет автору или коллективу авторов упорядочить знания, представленные многими учеными. Разумеется, серьезный ученый скорее пожертвует чем-то обыденным, но «свою книгу» напишет, игнорируя то, что система рейтингов ученых и на-

³ https://www.hse.ru/science/scifund/bonus_2017_3

учных учреждений не адаптирована к такому классическому способу развития и закрепления «установленного научного знания».

Не забудем также, что наша трансформация начиналась и шла на основе не академических статей, а докладов, памфлетов, указов. Книги ведущих ученых и деятелей четверти века трансформации остаются влиятельной силой в домашнем дискурсе, но не в рейтингах. А успех реформ зависит от выработки единого понимания процесса трансформации экономистами и обществом в целом.

Для выхода российской экономики из переходного состояния вместе с институтами национального хозяйства требуется время. Проблему идеальной оценки уровня работы ученого, надо полагать, еще долго не удастся решить. В дальнейшем рост качества институтов, увеличение благосостояния граждан, смена поколений ученых, повышение уровня науки в стране и ее выравнивание между университетами и центрами упростят ситуацию. Пока же придется совмещать два подхода: стремиться увеличить группу продвинутых экономистов с высокими рейтингами и сосредоточиться на расширении коммуникаций в научном сообществе, продвижении молодежи и квалифицированных исследовательских работ, фокусироваться на содержательных проблемах больше, чем на формальных рейтингах.

Общее соотношение роли науки, университетского обучения и консалтинга имеет свою историю. Мы бы хотели отметить несколько важных моментов, которые делают процесс входа в большую мировую науку (в высокорейтинговые журналы) серьезной самостоятельной работой, требующей полной отдачи и длительного труда. Начнем со знаменитой речи нобелевского лауреата В. Леонтьева на 83-м съезде Американской экономической ассоциации (29 декабря 1970 г.). Автор теории межотраслевого баланса прекрасно понимал проблему баланса между наукой, университетскими курсами и консалтингом. Он одним из первых предупредил об угрозе потерять фокус на экономическом содержании моделирования: «Некритическое увлечение математическими формулами часто ведет к тому, что за внушительным фронтом алгебраических символов скрываются положения легковесные с точки зрения сущности предмета» (Leontief, 1971; цит. по: Леонтьев, 1972. С. 101). В дальнейшем он и другие профессора выступали с анализом и комментариями по поводу чрезмерного увлечения формальной стороной вопроса. Можно упомянуть работу Д. Саттера и Р. Пджески (Sutter, Pjesky, 2007) и еще одну работу Леонтьева (Leontief, 1982). Общий смысл в том, что Адам Смит должен был бы развить навыки к математике и моделям, иначе ему трудно было бы опубликоваться в наше время. То, что не одной математикой жив экономический анализ, никто не оспаривает, а вот опубликовать статью без нее сложно. Из анекдотических явлений стоит упомянуть работу Д. Колландера и А. Кламера, в которой установки для студентов уже в 1987 г. получили отражение в характерной таблице 3 с результатами их опросов (Colander, Klamer, 1987). Представления студентов о том, что важно для успеха в научной карьере, выглядят вполне ясно и современно: способность к решению задач — 65%; блестящее знание математики — 57%; глубокие знания в конкретной области — 37%; способность найти

подход к известным профессорам — 26%; заинтересованность и владение данными в эмпирическом анализе — 16%; хорошее знакомство с экономической литературой — 10%; глубокое знание экономики — 3%!

В нашем контексте специфика математизации современной науки выступает высоким барьером для публикаций в первоклассных журналах. Многие наши ученые получили хорошее образование и вполне могут работать в этом режиме в зарубежных университетах, иногда и по возвращении в Россию. Проблема в том, что это работа тяжелая и в основном относится к Дискурсу 1 не только по технике, но и по проблематике. У российских ученых нет «длинных» денег на исследования и для своих учеников, они зависят от бюрократов и постоянных изменений условий работы. Конечно, они постепенно приобретают международные рейтинги. Однако задачи развития страны и российские реформы не ждут. Но они будут решены и проведены не на основе статей в классических журналах. Надо быстрее разрабатывать меры экономической политики, которая, по сути, стала частью теории трансформации и формирования институтов в стране, недавно испытавшей тяжелейший шок.

Итак, мы имеем два дискурса и две группы ученых-экономистов, не жестко разделенных, но важных для понимания процесса. Из сказанного следует, что невозможно оценить большинство российских ученых через ограниченный набор первоклассных журналов, в которых интерес к российской проблематике ограничен. А теперь о журналах.

Роль журналов как интерфейса в научном сообществе

Журналы — ключевой интерфейс в жизни научного сообщества: исследователей, профессоров, экспертов, администраторов. Личное общение ученых имеет свою уникальную ценность, но индивидуальные права интеллектуальной собственности фиксируются «на бумаге». Далее прирост знаний в более интегрированном виде представлен в курсах лекций, книгах (учебниках). Собственно научную дискуссию ведут, естественно, ученые-исследователи, хотя роль ученых-учителей огромна, поскольку они должны систематизировать знания для студентов, быстро включать новые исследования в программы и т. д. Экспертам надо успевать за приростом знаний, скорее, в своих прикладных областях, чтобы сохранять конкурентоспособность и соответствовать ожиданиям заказчиков (заказчиков). Наконец, администраторы по различным признакам стараются ранжировать ученых для целей карьеры, оплаты, имиджа университета или института. Каждый ученый обычно обладает несколькими свойствами (параметрами) для выполнения всех четырех функций, но не всегда способен оценить свои реальные (а не вмененные должностью) способности и преимущества.

По Р. Мертону, цитирование — это указатель позиции среди коллег, но это справедливо для нормальной науки с дискуссиями ученых в журналах, отражающих основной канал коммуникаций между учеными-исследователями и учителями. Для библиометрии все ссылки равны, но ссылки в дискуссии исследователей и, думаем, учителей «более равны», поскольку на них лежит «функция скептицизма» и дальнейшего

развития науки. Но еще есть цитирование коллегами в более широком кругу — профессорами-экспертами, аспирантами и исследователями в смежных областях. Это цитирование не относится к дискуссиям по теме статей, а дает второй круг восприятия и возможность опереться на более или менее доказанное учеными для тех, кто находится вне научного сообщества по данной узкой теме.

Журналы выступают также важнейшим каналом коммуникаций между учеными-исследователями и третьим кругом читателей — теми, кто доводит содержание статей в форме лекций, экспертизы, вторичного образования до администраторов, наконец, до бизнесменов, экономистов-практиков, политиков и государственных мужей. Из этой среды следует поток ссылок на статьи в научных журналах, которые отражают согласие с автором-исследователем по тому или иному вопросу, используют его мысли, чтобы подкрепить свои, сформулировать новые исследовательские задачи, заимствовать метод, продемонстрировать лояльность внутри школы, критиковать результат и т. п. Поэтому у многих ведущих ученых-экономистов импакт-фактор публикаций раза в два выше, чем цитирующих его изданий. Мы не считаем эти ссылки маловажными — они формируют более широкое воздействие на поведение участников всех социально-экономических процессов.

Соображения о разных типах ученых в общем исследовательском процессе важны, чтобы понять роль цитирования как работ, так и особенно журналов. Для исследователя—учителя—эксперта самое главное — содержание статей. Конечно, для автора важен уровень журнала с точки зрения доступа к аудитории, престижа и организационно-финансовых последствий высоких рейтинговых показателей. Но хорошая работа может найти свой путь к соответствующей аудитории, особенно через научные сайты Интернета и конференции. В данном случае роль журнала возрастает именно для научной дискуссии — исследователи редко общаются между собой через социальные сети по профессиональным вопросам, но вакуум заполняют блоггеры и изобретатели «простых решений».

Для научной дискуссии должны работать обычные методы — конференции, рецензии, дискуссии, защиты диссертаций. Ссылки на статьи, дебаты на конференциях между исследователями и есть центральный момент научной дискуссии и способ развития науки. Но это относится к нормальной науке с устоявшимися научными коллективами. В России еще остаются «элементы провинциальности», относительно малое цитирование оппонентов, ученых с другими взглядами — бывает проще и удобнее сослаться на своих научных коллег.

Но если нет нормальной науки, то рейтинг ученого указывает на размер «его клуба». Рейтинги людей вообще имеют ограниченное содержание, если учитываются только формальные показатели. Старшие оценивают молодежь по таланту и надеждам, которые они подают, трудолюбию, содержанию работ. Рейтинг диссертаций и работ есть в голове у каждого ученого, но обычно это относится к выражениям типа: «лучший диплом курса», «самое яркое выступление на конференции». Для настоящих ученых счет идет на большие работы, идеи, развитие школы... Ученый по логике науки хорошую статью предпочтет рейтингу — тут работает критерий «гамбургского счета».

В принципе все болезни нашей науки, особенно экспоненциально выросшая бюрократизация при нехватке долгосрочного предсказуемого финансирования, негативно сказываются на продуктивности и часто на качестве продукции, на статьях для журналов (хотя с отчетами по НИР и грантам предположительно все в порядке). Условия исследовательских грантов и НИР порождают требования к авторам по публикациям часто внутри года, который отведен на грант (грантов и НИР на срок более года мало и становится все меньше). Каким образом источники (администраторы) грантов рассчитывают на качественную работу и публикацию в течение одного года — когнитивная загадка.

Составление рейтингов журналов — это мода, которая охватывает все больше ресурсов и людей, хотя, по нашему мнению, это смещает фокус дискуссии в сторону от качества статей и масштабов и характера воздействия журналов на разноплановую аудиторию. Иногда происходит подмена ключевого пункта в научном процессе, когда отмечается не столько высокий уровень статьи, сколько высокий уровень журнала, в котором она опубликована. В устоявшихся научных сообществах коллективы ученых ведут длительные содержательные дискуссии, постепенно формируется репутация (а не имидж). Главное — содержание журнальных статей, качество анализа, продолжающиеся дискуссии и указание на возможности решить национальные проблемы⁴.

Но для журналов важно влияние, измеренное не только относительными показателями — импакт-фактором и проч., но и «физическими» — числом статей вообще, распространением ссылок (Херфиндаль), интенсивностью ссылок (Хирш), циркуляцией журнала (тираж в бумажном и электронном виде). Таблица 2 построена на простых показателях. Мы оставили только 20 журналов по своему разумению и извиняемся перед коллегами за короткий список — это журналы либо старые и заслуженные, либо новые и активные. В основном они работают в сфере общих проблем политэкономии, макроэкономики, институциональной теории и экономической политики в России, особенно проблем трансформации, мировой экономики, а также имеют традицию использовать математический аппарат (Шумилов, Балацкий, 2016).

С точки зрения валовых показателей данные таблицы 2 указывают на естественные преимущества «старых» журналов с 12 выпусками в год. Среди них доминируют «Вопросы экономики» с большим превосходством в цитировании за те годы, которые дает РИНЦ (127,6 тыс. по 2016 г.)⁵. С учетом значительной циркуляции журнала в бумажной (и электронной) форме это означает его способность достигать аудитории по всей стране. Благодаря накопленной репутации поиск материалов профессорами, аспирантами и студентами по многим вопросам идет по данному журналу (цитирование за 2016 г. составило почти 5 тыс.). Хорошие показатели у ряда финансовых журналов, журналов «Общественные науки и современность» с оговоркой о доле экономических статей, «Проблемы прогнози-

⁴ Однажды я предложил одному уважаемому журналу статью в развитие тематической дискуссии предыдущего номера, но ответ был: «Дискуссия уже завершена».

⁵ В 2016 г. «Вопросы экономики» имели бумажную подписку 1500 экземпляров, из которых 90% были приобретены библиотеками (в основном университетов), плюс заметное электронное распространение.

Библиометрия избранных журналов (по РИНЦ) по тематике «Экономика. Экономические науки»

Название журнала	Science Index 2016	Место в Science Index 2016 по тематике «Экономика. Экономические науки»	Общее число статей из журнала	Общее число выпусков журнала	Среднее число статей в выпуске	Число выпусков в год	Общее число цитирований журналов, включая самоцитирование (2016)	Суммарное число цитирований журнала в РИНЦ	Среднее число ссылок в списках литературы (2016)	Лесной индекс Хирша (2016)	Лесной индекс Херфингала по цитирующим журналам (2016)	Лесной индекс РИНЦ без самоцитирования (2016)
Вопросы экономики*	22,42	1	2181	332	7	12	4859	127 557	33	31	86	6,97
Форсайт*	6,96	2	363	42	9	4	485	3060	51	14	187	2,54
Проблемы прогнозирования	4,52	4	1561	159	10	6	1510	20 975	13	18	223	1,95
Российский журнал менеджмента	3,49	6	562	56	10	4	518	7374	43	16	173	0,84
Вестник Томского государственного университета. Экономика	3,40	7	661	39	17	4	459	2688	16	8	113	0,81
Journal of Institutional Studies	3,38	8	301	31	10	4	227	1511	33	10	202	0,92
Экономический журнал Высшей школы экономики*	3,24	9	371	77	5	4	341	3767	34	10	188	1,32
Журнал Новой экономической ассоциации*	2,85	10	566	33	17	4	359	2415	26	11	121	1,09
Общественные науки и современность	2,84	-	1474	157	9	6	1639	44 296	26	15	240	0,78
Экономическая политика*	2,63	12	773	65	12	6	474	3435	23	9	176	1,65
Деньги и кредит	2,36	13	2793	223	13	12	1235	21 869	11	15	209	1,40
Мировая экономика и международные отношения*	2,32	14	2828	333	8	12	1584	45 492	23	13	183	1,30
Пространственная экономика	1,87	18	693	50	14	4	450	3808	28	14	314	1,94
Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5: Экономика	1,71	22	1271	159	8	4	346	6410	34	9	198	0,93
Проблемы современной экономики	1,40	33	5856	54	108	4	2209	22 191	14	17	197	0,60
Финансы	1,39	34	2861	237	12	12	1140	36 926	4	13	221	0,96
ЭКО	1,31	38	2539	275	9	12	996	22 428	12	15	170	0,89
Прикладная эконометрика	1,18	44	350	46	8	4	218	1492	26	8	249	0,89
Экономика и математические методы	0,91	59	851	124	7	4	520	12 914	17	11	247	0,65
Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика	0,54	93	729	112	7	6	240	5956	19	7	338	0,72

Примечание. Журналы ранжированы по убыванию Science Index 2016. * Журналы, включенные в Scopus.

Источник: РИНЦ, 2017.

рования», «ЭКО» (отличается также высокой долей статей, переводимых на английский язык заинтересованными зарубежными изданиями).

Есть дополнительные замечания: например, «Общественные науки и современность» — журнал мультидисциплинарный, и на экономику приходится порядка $\frac{1}{4}$ статей. «Мировая экономика и международные отношения» — один из ведущих журналов — суммарно опубликовал (по сообщению РИНЦ на 2016 г.) 1715 статей по политике и политологии и около 1030 статей по экономике. Таким образом, показатели журналов должны восприниматься с некоторыми интуитивными поправками.

По двухлетнему импакт-фактору ситуация выравнивается и вслед за «Вопросами экономики» все журналы выборки укладываются в диапазон 0,65–2,54, что можно считать признаком усиления конкуренции «на журнальном рынке». Активная работа относительно новых журналов, у которых обычно 4 выпуска в год, достойна признания по ряду качественных показателей. «Журнал Новой экономической ассоциации», «Форсайт», «Экономический журнал ВШЭ» заняли видное место — каждый со своей спецификой. Журналы с математическим уклоном опираются на очень известную и влиятельную группу российских экономистов, но она не слишком многочисленна, а на ограниченность домашней аудитории указывает меньшая интенсивность цитирования.

Значения 10-летнего индекса Херфиндаля по широте круга цитирующих журналов в целом выглядят нормально, с очень хорошими показателями у «Журнала Новой экономической ассоциации» и «Вестника Томского университета». Индекс Хирша, естественно, распределен в соответствии с общим уровнем цитирования. Нам не удалось найти приемлемый источник информации о тиражах журналов в России в данной выборке в бумажной или электронной форме. В любом случае анализ роли, веса, значимости журналов в российской науке, на наш взгляд, должен исходить из их влияния как на исследовательский процесс, так и на состояние учебного процесса в университетах, на умы экономистов-практиков, бизнесменов, студентов и аспирантов⁶.

Общая картина, похоже, ясна — именно так выглядит журнальный интерфейс между учеными-исследователями (авторами) и всем читающим научным сообществом. По выборке из 20 журналов валовой «напечатанной» выпуск продукции — порядка полутора тысяч статей (за вычетом неэкономических работ). Прибавим полсотни статей за рубежом в год — это и есть основная масса претендентов на рейтинги. Остаются еще несколько сотен журналов и масса экономистов, но это уже касается характера всей отечественной экономической науки, что требует дополнительного анализа.

Каждый автор нередко сталкивается с экзистенциальной проблемой: чего он хочет на самом деле — чтобы его цитировали и хвалили или читали и вникали? Мы придерживаемся второго подхода вслед за К. Марксом, который в сноске к Т. 1 «Капитала» поместил эпиграмму: «Кто не хвалит Клопштока? Но станет ли его каждый читать? Нет. Мы хотим, чтобы нас меньше почитали, но зато прилежнее читали!» (Лессинг).

⁶ Из 127 тыс. цитат на статьи в «Вопросах экономики» примерно 38% — ссылки в диссертациях, что указывает на особую роль журнала в научных коммуникациях.

В эпоху Интернета появляется много возможностей расширить доступ читателей к тому или иному произведению, помимо рекомендаций студентам по курсу. Самый простой способ не дает, вероятно, дополнительного цитирования внутри научного сообщества: получить право на распространение публикации и вывесить на более или менее известном тематическом или личном сайте. У ученого может возникнуть и другой сложный выбор. Можно год-два ждать публикации в «очень хорошем» журнале, особенно на Западе, переделывать текст по замечаниям и проч. А можно ускорить свое воздействие на коммуникации между исследователями и срочно опубликовать свою работу в «обыкновенном» журнале, но зато быстро включить свой взгляд на проблему в борьбу идей и интересов. Эта ситуация очень характерна для многих «горячих» тем в области мировых финансов, торговли, энергетики. При анализе проблем мировой экономики есть своя специфика: тут все настолько быстро меняется, что любое затягивание с реакцией на шоки, санкции и конфликты может выбросить автора из дискуссии вообще. Так что это решение проблемы коммуникаций вынужденное, особенно в домашнем дискурсе.

С проблемой статуса журналов в стране связаны формальные требования к публикациям аспирантов, другие формальные регламенты в университетах (конкурсы и надбавки). Уровень диссертаций и статей в принципе зависит от уровня развития науки, квалификации профессоров, в окружении которых работает аспирант, от требовательности (этики) научного сообщества. Сужение списков журналов, «пригодных» для ВАК или университетов, до определенного момента носит рациональный характер — это стандартизирует условия конкуренции молодых, снижает долю «пустых» работ и т. п. Но для основных школ вопрос повышения качества отбора (организованный скептицизм) статей стоит одновременно с вопросом улучшения организации исследовательского процесса. Административное сокращение числа, то есть пропускной способности, журналов имеет смысл в увязке с потоком аспирантов. Бессмысленно расширять аспирантуру, если нет возможности публиковать статьи молодых ученых в адекватных журналах. Эта проблема системная и не решается ссылками на «ответственность научных руководителей» за публикации аспирантов.

По мере вхождения наших журналов в Scopus, расширения охвата Web of Science проблема представительства наших журналов в мире рейтингов будет сниматься. Шесть экономических журналов в нашем списке приобрели за последнее время статус в Scopus. Это сдвинет спрос со стороны авторов к более престижным научным журналам. По идее «фактор Scopus» должен укрепить позиции лидеров по импакт-фактору в сфере дискуссий по российской (трансформационной) проблематике. Но позиция каждого журнала внутри Scopus будет во многом определяться доступом зарубежного читателя к материалам, а значит, в этом аспекте выигрывают журналы, у которых есть англоязычная версия. Так различие материальных ресурсов издателей и готовность переводить и издавать журналы на английском языке влияют на процесс цитирования статей, в основе которого лежит интерес к проблемам по двум дискурсам. Можно также сделать предположение, что наши внутренние

споры о судьбах страны, реформах институционального базиса российской экономики представляют интерес для части зарубежных читателей, но прикладные, отраслевые, экономико-технологические, региональные исследования в комплексе имеют более широкую зарубежную аудиторию.

* * *

Наша общая задача — укрепить влияние журналов, поднять их уровень, ужесточить требования к качеству статей, обеспечить устойчивую дискуссию по ключевым проблемам трансформации и возникающим новым вопросам развития, выровнять и повысить квалификацию национальных экономических кадров. Различия двух содержательных дискурсов и соответствующих групп ученых-экономистов — это реалии данного периода. В российских условиях главное — довести трансформацию страны до логического завершения, с чем связаны и ответственность ученого и гражданина, и интеллектуальное соревнование. Чем скорее будут проведены необходимые реформы в России, тем более единым станет научное сообщество с точки зрения объекта исследования, задач, методов, журналов. И высокие рейтинги будут у наших самых талантливых студентов.

Список литературы / References

- Авдашева С., Шаститко А. (2015). Нобелевская премия по экономике 2014: Жан Тироль // Вопросы экономики. № 1. С. 5–21. [Avdasheva S., Shastitko A. (2015). Nobel Memorial Prize in Economics-2014: Jean Tirole. *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 5–21. (In Russian).]
- Бобылев С. Н., Григорьев Л. М. (ред.). (2016). Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития ООН и Россия. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ. [Bobilev S. N., Grigoryev L. M. (eds.) (2016). *The report on human development in Russian Federation. UN sustainable development goals and Russia*. Moscow: Analytical Center for the Government of the Russian Federation. (In Russian).]
- Гайдар Е. Т. (1990). Экономические реформы и иерархические структуры. М.: Наука. [Gaidar E. T. (1990). *Economic reforms and hierarchic structures*. Moscow: Nauka. (In Russian).]
- Григорьев Л. М. (2003). Вопросы формирования классификации проблем экономической политики // Проблемы становления экспертного сообщества России: экономисты. М.: Московский общественный научный фонд. С. 42–68. [Grigoryev L. M. (2003). Issues of forming the classification of economic policy problems. In: *Problems of forming the expert community in Russia: Economists*. Moscow: Moscow Public Science Foundation, pp. 42–68. (In Russian).]
- Григорьев Л. М. (2005). Экспертное сообщество: конец переходного периода // Время новостей. 24 ноября. [Grigoryev L. M. (2005). Expert community: The end of transition. *Vremya Novostei*, November 24. (In Russian).]
- Григорьев Л. М. (2010). Экономика переходных процессов: в 2-х т. М.: МУМ. [Grigoryev L. M. (2010). *Economics of transitional processes*. In 2 vols. Moscow: MUM. (In Russian).]
- Григорьев Л. М. (2013). Сценарии развития и экономические институты // Экономическая политика. № 1. С. 33–60. [Grigoryev L. M. (2013). Scenarios of development and economic institutions. *Ekonomicheskaya Politika*, No. 1, pp. 33–60. (In Russian).]

- Григорьев Л. М. (2017). Различие целей и смена интересов акторов в ходе трансформации // Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь? СПб.: Леонтьевский центр. С. 215–237. [Grigoryev L. M. (2017). Different goals and change of actors interests during the transformation. In: *Russia in 1917–2017: European modernization or special way?* St. Petersburg: Leontief Centre, pp. 215–237. (In Russian).]
- Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. (2005). Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики. № 5. С. 5–27. (Kouzmanov Ya., Radaev V., Yakovlev A., Yasin E. (2005). Institutions: From import to raising (Lessons from the Russian reforms and opportunities for cultivation of institutional change). *Voprosy Ekonomiki*, No. 5, pp. 5–27. (In Russian).]
- Макаров А. А., Григорьев Л. М., Митрова Т. А. (ред.) (2016). Прогноз развития энергетики мира и России 2016. М.: ИНЭИ РАН; Аналитический центр при Правительстве РФ. [Makarov A. A., Grigoryev L. M., Mitrova T. A. (eds.) (2016). *The forecast of the energy sector development in the world and Russia 2016*. Moscow: INEI RAN; Analytical Center for the Government of the Russian Federation. (In Russian).]
- Мальцев А. (2016). Российское сообщество экономистов: особенности и перспективы // Вопросы экономики. № 11. С. 135–158. [Maltsev A. (2016). Russian community of economists: Main features and perspectives. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 135–158. (In Russian).]
- Май В. (2012). От перестройки к радикальным реформам: к двадцатилетию начала посткоммунистических преобразований // Экономическая политика. № 1. С. 5–20. Mau V. (2012). From restructuring to radical reforms: To the 20th anniversary of the start of post-communist transformation. *Ekonomicheskaya Politika*, No. 1, pp. 5–20.
- Май В. А., Кузьминов Я. И. (ред.) (2013). Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. М.: Дело. [Mau V. A., Kouzmanov Ya. I. (eds.) (2013). *Strategy 2020: A new growth model — new social policy*. Moscow: Delo. (In Russian).]
- Муравьев А. А. (2011). О российской экономической науке сквозь призму публикаций российских ученых в отечественных и зарубежных журналах за 2000–2009 гг. // Экономический журнал ВШЭ. Т. 15, № 2. С. 237–264. [Muraviev A. A. (2011). On the Russian economic science through the prism of Russian scientists publications in national and foreign journals. *Ekonomicheskii Zhurnal VShE*, Vol. 15, No. 2, pp. 237–264. (In Russian).]
- ООН (2015). Цели устойчивого развития. Нью-Йорк: ООН. [UN (2015). *Sustainable development goals*. N. Y.: United Nations.]
- Полтерович В. М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика. [Polterovich V. M. (2007). *Elements of the theory of reforms*. Moscow: Ekonomika. (In Russian).]
- Соловьева И. В. (2013). Понятие вклада в науку в современной парадигме философии науки и науковедения // Современные научные исследования и инновации: [электронный ресурс]. № 11. <http://web.snauka.ru/issues/2013/11/29077>. [Soloveva I. V. (2013). The concept of scientific contribution in modern philosophy of science and scientometrics. *Sovremennye Nauchnye Issledovaniya i Innovatsii*: (e-journal), No. 11. (In Russian).]
- Тамбовцев В. Л. (ред.) (2009). Права собственности, приватизация и национализация в России. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение. [Tambovtsev V. L. (ed.) (2009). *Property rights, privatization, and nationalization in Russia*. Moscow: Liberal Mission Foundation; Novoe Literaturnoe Obzrenie. (In Russian).]
- Тириоль Ж. (2017а). Экономист в общественной жизни // Вопросы экономики. № 8. С. 104–122. [Tirole J. (2017a). An economist in the public space. *Voprosy Ekonomiki*, No. 8, pp. 104–122. (In Russian).]
- Тириоль Ж. (2017б). Научные исследования в повседневной жизни // Вопросы экономики. № 9. С. 98–134. [Tirole J. (2017b). On everyday academic research. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 98–134. (In Russian).]

- Шаститко А. (2016). О методологии институциональных исследований (К 80-летию статьи Рональда Коуза «Природа фирмы») // Вопросы экономики. № 8. С. 96–119. [Shastitko A. (2016). On the methodology of institutional studies (To the 80th anniversary of Ronald Coase's "Nature of the firm"). *Voprosy Ekonomiki*, No. 8, pp. 96–119. (In Russian).]
- Шаталин С. С. и др. (1990). Программа «500 дней». М.: ЭПИцентр. [Shatalin S. S. et al. (1990). *The program "500 days"*. Moscow: EPItsentr. (In Russian).]
- Шумилов А. В., Балацкий Е. В. (2016). Академические рейтинги RePEc: вопросы построения и роль российских участников // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4. С. 111–138. [Shumilov A. V., Balatsky E. V. (2016). RePEc academic ratings: Issues of construction and the role of Russian participants. *Journal of the New Economic Association*, No. 4, pp. 111–138. (In Russian).]
- Юргенс И. и др. (2009). Стратегии социально-экономического развития России: воздействие кризиса: в 2-х т. М.: ИНСОП. [Yurgens Yu. et al. (2009). *Strategies of Russia's social and economic development: The influence of the crisis*. In 2 vols. Moscow: INSOR. (In Russian).]
- Colander D., Klammer A. (1987). The making of an economist. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 1, No. 2, pp. 95–111.
- Dutkiewicz P., Kulikov V., Sakwa R. (eds.) (2016). *The social history of post-communist Russia*. N. Y.: Routledge.
- Leontief W. (1971). Theoretical assumptions and nonobserved facts. *American Economic Review*, March, pp. 1–7. [Рус. пер.: Леонтьев В. (1972). Теоретические допущения и ненаблюдаемые факты // США – экономика, политика, идеология. № 9. С. 101–104.]
- Leontief W. (1982). Academic economics. *Science*, Vol. 217, No. 9, pp. 104–105.
- Sutter D., Pjesky R. (2007). Where would Adam Smith publish today? The near absence of math-free research in top journals. *Econ Journal Watch*, Vol. 4, No. 2, pp. 230–240.
-

Two discourses in Russian economic science

Leonid Grigoryev^{1,2}

Author affiliation: ¹National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); ²Analytical Center for the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). Email: lgrigor1@yandex.ru

World economic science covers a huge variety of theoretical and practical issues. Russian socio-economic transformation is its natural part of theoretical studies. We believe that this is an objective situation of “two discourses”. Many Russian scientists work in the sphere of the “World discourse” and have achieved certain individual successes. The efforts of Russian scientists concentrate on national problems, so the volume of research and publications in the “Russian discourse” is much greater, as is our contribution to economic science. Interest in the “Russian discourse” on the part of the world science is limited and it cannot get a lot of place in high-profile journals, which is reflected in the ratings. Differences in the discourses are not rigid, but noticeably correspond with the groups of authors of scientific works. Works on the “Russian discourse” determine the picture of publications in the national journal field.

Keywords: role of economists, sociology of economic science, economic journals, Russian economic science.

JEL: A11, A14.